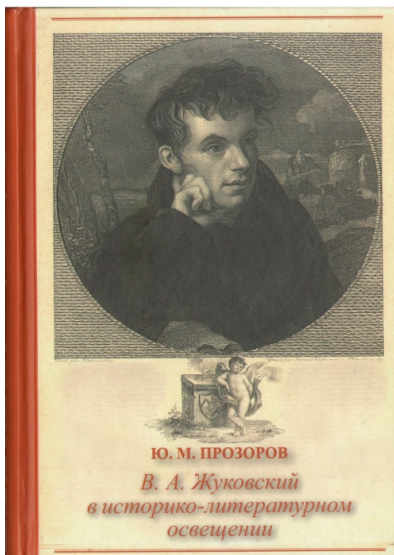

УДК 82.02

DOI: 10.17223/23062061/19/9

М.И. Щербакова

**«ОТКРОВЕНЬЯ, БЛАГОТВОРНЫЕ СЕРДЦАМ...»
О КНИГЕ ЮРИЯ МИХАЙЛОВИЧА ПРОЗОРОВА
«В.А. ЖУКОВСКИЙ В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ
ОСВЕЩЕНИИ. ЭСТЕТИКА. ПОЭТИКА. ТРАДИЦИИ».
СПБ.: ПОЛИГРАФ, 2017. 406 с.**

Аннотация. Книга выдающегося петербургского литературоведа Ю.М. Прозорова о поэтическом и критическом наследии В.А. Жуковского рассматривается как теоретически значимое исследование, в котором заложен глубокий научный потенциал, прослежены исторические судьбы традиций в русской литературе, в творчестве не только его младших современников, но и поэтов второй половины XIX в., а также художников XX в. Автор намечены новые пути осмысления ключевых для поэтического мышления Жуковского категорий «меланхолия» и «ужасное».

Ключевые слова: В.А. Жуковский, Ю.М. Прозоров, русская литература, Н.А. Некрасов, Б.К. Зайцев, традиции, эстетика, поэтика.

18 октября 2018 г. в Санкт-Петербурге ушел из жизни Юрий Михайлович Прозоров, выдающийся литературовед, обладавший тонким чувством прекрасного, глубокий исследователь творчества В.А. Жуковского, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова. Ушел на 68-м году жизни... не дописав, не додумав, не завершив многое, что могло бы составить золотой фонд современной филологии;

ушел ровно за месяц до назначенного дня защиты докторской диссертации.

Последняя книга Ю.М. Прозорова «В.А. Жуковский в историко-литературном освещении. Эстетика. Поэтика. Традиции» ясно свидетельствует не только о высоком уровне предпринятого исследования, но и о громадном научном потенциале, открывающем абсолютно новые перспективы.

Комплексный подход к изучению творческого наследия Жуковского, избранный Ю.М. Прозоровым, на новом этапе развития филологической науки представляется актуальным. Автором справедливо подчеркнуто самое прямое и непосредственное отношение, которое имел Жуковский к видоизменениям, происходившим в русской словесности под влиянием европейской литературы XVIII–XIX вв. Этот тезис подкреплен в монографии примерами преобразований средств поэтической выразительности, а также новым пониманием роли и функций художественного перевода. «Жуковский имел к этому видоизменению самое прямое и непосредственное отношение» [1. С. 11].

Широта охвата материала сочетается в монографии с углубленным его изучением, с учетом и тщательным анализом прежде не введенных в оборот материалов и документов, которые существенно корректируют бытовавшие до сих пор представления об особенностях и эволюции творческого таланта Жуковского.

Теоретическая значимость книги Ю.М. Прозорова характеризуется целостной авторской концепцией об известном противоречии, когда наследие писателя-классика и сам литературный феномен Жуковского, занимающие выдающееся место в первом ряду истории отечественной словесности, оказываются недостаточно изученными. Творческий путь поэта и переводчика рассмотрен Ю.М. Прозоровым как исток развившейся в отечественной литературе эстетики, «в основе которой лежит стремление привести в действие сверхрациональный потенциал слова» [Там же. С. 22]. Монография «В.А. Жуковский в историко-литературном освещении. Эстетика. Поэтика. Традиции» содержит новые научные результаты и оригинальные положения, свидетельствующие о несо-

мом вкладе Ю.М. Прозорова в науку. Концептуальная новизна книги – итог многолетних трудов автора на ниве филологической науки; их результаты всегда оставались востребованными, принесли Ю.М. Прозорову заслуженный авторитет в академическом сообществе и существенно продвинули исследование русской литературы XIX в. как уникального явления мировой культуры.

В книге главенствуют три объекта изучения творческого наследия Жуковского: эстетика, поэтика, традиции (что подчеркнуто в самом названии), и доминирует пристальное внимание к категориям поэтического мышления художника. Масштабность предпринятого анализа позволила Ю.М. Прозорову гармонично и убедительно решить вопрос о развитии традиций Жуковского не только его младшими современниками, но и поэтами второй половины XIX в., а также художниками XX в.

Структура монографии определена ее целями, задачами и материалом, соответствует внутренней логике научного анализа. Объем книги позволил автору выстроить монолитный, логически оправданный текст, вобравший в себя множество вопросов самого разного свойства, уровня и масштаба. Корпус издания, состоящий из Введения, пяти глав и Заключения, дополнен Приложением («Из рукописного наследия В.А. Жуковского. Переводы фрагментов Священного Писания»), заслуживающим особую высокую оценку. Именной указатель насчитывает более 400 имен, основная часть которых принадлежит поэтам, писателям, литераторам.

Во Введении, небольшом по объему и лапидарном, лаконично и ясно очерчена степень научной разработанности проблемы, определены объект и предмет исследования, убедительно продемонстрирована прямая взаимосвязь комплексного характера методологии исследования (сочетание принципов биографики с историко-литературным, сравнительно-типологическим и собственно структурным анализом текстов Жуковского) с его теоретико-концептуальной базой.

Вводный раздел монографии содержит краткий, но при этом весьма емкий обзор авторитетных мнений (А.Н. Веселовский, Г.А. Гуковский, М.М. Бахтин, В.Н. Топоров и др.) о романтической

природе творчества Жуковского и его связи с сентиментализмом. «Это направление художественного развития, – подчеркивает Ю.М. Прозоров, – изменив картину мира и человека в искусстве XVIII в., действительно стало пролагать такие творческие пути, идя по которым, художник с неизбежностью оказывался “в преддверии романтизма”» [1. С. 14]. И еще: «Жуковский был наделен особой чуткостью к литературным явлениям такого рода, зародившимся еще задолго до романтизма, но постепенно обнаружившим свой романтический потенциал, свой скрытый до поры романтический вектор» [Там же]. Для последующих глав монографии этот тезис стал ключевым и подкреплен многими примерами. Добавим, что особая чуткость Жуковского, о которой идет речь, проявилась также и в способности поэта предвидеть будущие пути развития отечественной литературы. Это блестяще показано на примере анализа творчества Н.А. Некрасова и Б.К. Зайцева.

Проблемно-композиционное содержание исследования Ю.М. Прозорова выросло из представления о Жуковском как о «поэте романтической перспективы» [1. С. 17]. «Эволюционные пути, по которым проходил в своем творчестве Жуковский, – формулирует автор концептуально важную позицию, – порой более намечали романтическое направление в литературе, чем осуществляли его, или лишь заканчивались в границах этого направления, беря начало в культурных мирах, нередко от романтизма весьма отдаленных» [Там же].

Несомненна заслуга ученого в создании объективно-целостной картины разнообразных в методологическом отношении историко-литературных подходов к изучению наследия Жуковского на протяжении XIX, XX и XXI вв. На этом фоне вполне конкретно и ясно очерчены Ю.М. Прозоровым собственные исследовательские цели и задачи: «...воссоздать на основе прижизненных журнальных публикаций, дневников, эпистолярного наследия Жуковского, архивных источников и опубликованных материалов его библиотеки эстетический кругозор поэта, историю и эволюцию его литературно-критического творчества; проследить динамику эстетических воззрений Жуковского и его литературной позиции, начиная от новаторских исканий 1800–1810 гг. и заканчивая консерватизмом

1840-х гг.; показать внутреннее единство различных этапов развития литературного и эстетического мышления поэта; исследовать исторические истоки и сложившиеся в творчестве Жуковского формы *меланхолии* как ключевой категории его поэтического мышления в лирических жанрах; изучить поэтическую топику и психологическое содержание *меланхолии* в произведениях Жуковского; рассмотреть “меланхолические” темы поэзии Жуковского как начальный фазис психологизма русской литературы XIX в.; поставить вопрос об “ужасном” как новой категории поэтического мышления Жуковского, рождающейся в контексте его балладного творчества, и в связи со становлением поэтики русского романтизма; изучить поэтические модификации “ужасного” в произведениях Жуковского и их своеобразии; проанализировать трагическое в “сладостной” форме как выражение поэтической индивидуальности Жуковского; рассмотреть влияние “ужасного” как характерной особенности творчества Жуковского на литературу русского романтизма и, в частности, на романтическую повесть; поставить вопрос о развитии традиций Жуковского в поэзии второй половины XIX в.; рассмотреть воздействие Жуковского на поэзию Н.А. Некрасова в разные периоды творческой биографии последнего; проанализировать закономерности отрицания и утверждения традиций Жуковского в поэзии Некрасова; выявить мотивы творческих интересов Б.К. Зайцева к биографии и поэзии Жуковского; показать творческое родство Жуковского и Зайцева в исканиях сверхлогических значений слова» [2. С. 7–8].

Динамика исследовательской мысли прослеживается от главы к главе:

I – «Критико-эстетические воззрения В.А. Жуковского: источники, содержание, эволюция».

II – «Категории поэтического мышления В.А. Жуковского. Меланхолия».

III – «Категории поэтического мышления В.А. Жуковского. “Ужасное”».

IV – «Исторические судьбы традиций В.А. Жуковского в русской литературе. В.А. Жуковский и Н.А. Некрасов».

V – «Исторические судьбы традиций В.А. Жуковского в русской литературе. В.А. Жуковский и биографические повествования о русских писателях в творчестве Б.К. Зайцева».

Редакторский глаз может «зацепиться» за нарочитые повторы в названиях глав. Однако если не столь прямолинейно смотреть на такой авторский прием, пойдем конструктивностью решения подчеркнуть парность второй / третьей и четвертой / пятой глав. Как категории поэтического мышления Жуковского не исчерпываются *меланхолией* и *ужасным*, так и исторические судьбы традиций поэта в русской литературе не ограничиваются творчеством Некрасова и Зайцева. Этот «открытый финал» исследования особенно ясно делает акцент на практической значимости теоретических обобщений и результатов, представленных в книге.

Широкий диапазон источников исследования и литературы вопроса характеризуется масштабом многолетнего труда и глубиной проникновения в суть предмета. Как следствие обширной эрудиции, Ю.М. Прозорова отличает внимание и серьезное погружение в материал, тщательное изучение достижений предшественников (например, проблематика стихосложения [1. С. 260–265]). На этом авторитетном и прочном фундаменте возводится все «здание» монографии. И всякий раз авторские оговорки о кажущейся парадоксальности выводов, венчающих мозаику историко-литературных фактов, оказываются лишь данью научному этикету, поскольку уже задолго до них читатель сам убеждается в правоте предлагаемого взгляда. Доказательность выводов Ю.М. Прозорова обеспечивается тем частым ситом, сквозь которое пропущены все факты, – известные и малоизвестные, – а также утвердившиеся в науке выводы предшественников, нередко высокоавторитетных.

Взгляд на творчество Жуковского как на «обладающее богатейшим генетическим наследством» определил два ракурса, повлиявших на структуру исследования Ю.М. Прозорова: в первых трех главах монографии наследие поэта рассмотрено в эпоху, «когда оно обнаруживает свои первоначала и первопричины», четвертая и пятая главы посвящены периодам, «когда оно само становится “опричиняющим фактором” для позднейшей русской литературы» [Там же. С. 22].

Глубокая филологическая культура Ю.М. Прозорова лежит в основе тонкого анализа элегии «Сельское кладбище», ознаменовавшего «начало большой литературной биографии Жуковского и под определенным углом зрения исходный рубеж русской классической поэзии» [1. С. 4]. Исходя из того что русская литература неизбежно должна была пережить «стадию относительной буквальности в усвоении и отражении мирового опыта» [1. С. 25], исследователь справедливо приходит к выводу о том, что «лишь однажды был в русской литературе исторический момент, когда перевод значил больше, чем оригинальное творчество, когда в переводе могло выразиться все своеобразие творческих путей поэта и его национальной культуры, когда с деятельностью переводчика едва ли не отождествилась всякая художественная деятельность» [Там же]. Заслугу Жуковского Ю.М. Прозоров видит в решении задач становления новой русской литературы и образованности.

Из тонкого наблюдения, сделанного уже в первой главе монографии, касательно того, что «байронические экстремы романтизма всегда оставались далеки от собственных путей эстетики и поэзии» [1. С. 38] Жуковского, в последующих главах книги вырастает четкий базовый тезис о доминантах творчества поэта.

Вполне обоснованно ключевые для поэтического мышления Жуковского категории (*меланхолия* и «ужасное») представлены как определяющие художественное своеобразие творчества поэта.

Материал второй главы убедительно демонстрирует, как «на основе меланхолической душевности произошло становление психологизма в поэзии Жуковского, а через нее – и в позднейшей русской лирике и русском романе XIX в.» [1. С. 19]. Следует подчеркнуть, что из подобных блоков, разделов, глав должна будет состоять и уже складывается на наших глазах новая история русской литературы, в частности XIX в. В этом отношении, несомненно глубокий научный потенциал заключает в себе вывод о том, что «присущее меланхолической традиции представление о противоречивости внутреннего мира человека не прошло бесследно для формирования такой художественной и одновременно философской особенности отечественной литературы, как “диалектика души”» [Там же].

Ю.М. Прозорову потребовалось столь же обширное освоение литературного пространства, какое было освоено Жуковским: «...ни одно из сколько-нибудь значительных явлений, составлявших эту сферу знаний в эпоху европейского Просвещения, не прошло мимо его внимания и сознания» [1. С. 34]. Добавим и уточним: основная часть этих явлений нашла отражение в книге автора, предоставляя возможность читателю самостоятельно судить о зарождении устойчивых и специфичных для поэтики Жуковского моделей.

В реальном контексте творческих замыслов Жуковского и их осуществлений Ю.М. Прозоров не видит противоречий между поэзией и критикой поэта: они «выглядят таковыми только лишь на фоне легенды о поэте» [1. С. 37]. Представленный в исследовании анализ отзывов ближайшего литературного «потомства» Жуковского, а также выводов позднейших историков подтверждает данный тезис, демонстрируя, что закрепившиеся в литературоведении упреки «непоследовательности и эклектизму поэта-критика» носят «необъяснимо парадоксальный характер» [Там же].

Проницательно отмечены Ю.В. Прозоровым уникальный синтез в наследии Жуковского и его авторская интерпретация. Подчеркивается, что именно Жуковский впервые дал понять русскому читателю, что «литературно-художественное и литературно-критическое дарование – это не одно и то же» [1. С. 27]. Жуковский обладал этими неодинаковыми дарованиями, слившимися воедино в его таланте.

Близкими оказываются, как следует из материала, представленного в монографии, труд переводчика и деятельность критика, когда присутствует общий для них литературный источник «как побудительное начало и отправной пункт творческого процесса» [Там же. С. 29]. На примере Жуковского прекрасно видно, что сближение двух призваний становилось основой предвидения поэтом будущих путей развития литературы.

Логически вытекают из этого заключения и предельно убедительны размышления Ю.М. Прозорова о присутствии Жуковского в поэтическом кругозоре Н.А. Некрасова. В главе «Исторические судьбы традиций В.А. Жуковского в русской литературе. В.А. Жуковский и Н.А. Некрасов» поэтический сборник Некрасова

«Мечты и звуки», как можно утверждать, впервые удостоился столь глубокого, подлинно академического внимания. Перед нами еще один пример, доказывающий, что русская литература XIX в. все еще оставляет за собой много неизученного.

Одна из перспектив, намеченных в этой части книги, – история некрасовской репутации – «не только литературной, но и общественной, не только прижизненной, но и посмертной» [1. С. 247]. Начальный путь в этом направлении пройден Ю.М. Прозоровым в размышлениях, где «гравитационное поле Пушкина» рассмотрено как неизбежный и несомненный поэтический контекст эпохи, формировавший традиции и влиявший на их восприятие: от него могли отгалкиваться, к нему могли и стремиться. Анализируя причины, по которым Пушкин и Жуковский как «представители единой поэтической системы <...> обнаруживали значительные различия между собой» [1. С. 255], Ю.М. Прозоров справедливо полагает, что «Пушкин был вскормлен французской культурой, духом сложившихся на ее почве просветительского рационализма и классицизма, в то время как Жуковский отражал в своем творчестве духовную атмосферу немецкого идеализма» [Там же].

Объектами глубокого анализа в книге Ю.М. Прозорова стали «представление о Жуковском как олицетворении отрешенной в определенном смысле от реальности романтической поэзии» [1. С. 278], а также «устойчивая и привычная оппозиция» имен Жуковского и Гоголя. Очевиден широкий замах ученого: творчество Некрасова рассматривается и самостоятельно, в контексте всей истории русской литературы, и как переход к разговору о русском реализме в целом, как наследовавшем и усвоившем художественные открытия Жуковского. Арсенал доказательств – в параллельном анализе тем, мотивов, образов поэзии Жуковского и Некрасова, в «подчеркнутом родстве» стихотворений Некрасова 1874 г. с образно-тематическими, жанровыми, философско-эстетическими традициями романтической поэзии [Там же. С. 291].

Пятая глава книги переносит читателя в модернизм XX в., который в целом, как и его выдающийся представитель Б.К. Зайцев, развивался с «чувством “снеговых вершин” за спиной» [Там же. С. 300].

Три книги Зайцева – «Жизнь Тургенева» (1932), «Жуковский» (1951), «Чехов» (1954) – рассмотрены как единый литературный ряд, «объединяемый поэтикой лирической суггестивности, свойственной всем входящим в него писателям» [1. С. 21].

Ю.М. Прозоровым выстроена парабола исторического развития литературы, общий контур которой при всей своей схематичности дает точное представление о конкретных отдельных явлениях процесса. Говоря о схематизме, следует понимать, что проистекает он не от скудости материала, а от его изобилия. Так, в связи с рассказом Зайцева «В дороге», названы стихотворения Некрасова, Тургенева и Бунина как бьющие прямо в цель; между тем по этой модели выстроены многие шедевры русской литературы, созданные Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым, А.П. Чеховым и др. Но автору справедливо важен не этот ряд, а иная поэтика – «сумма схваченных впечатлений, разъятых до молекулярной малости» [1. С. 308], корни которой четко прослеживает Ю.М. Прозоров в наследии Жуковского.

Как было сказано выше, особую оценку заслуживает Приложение, посвященное переводам Жуковского фрагментов Священного Писания. Менее знаменитые, чем античный цикл, философско-публицистические статьи поэта на религиозные темы, написанные также во второй половине 1840-х гг., чрезвычайно редко попадали в поле зрения исследователей. Истории их замысла и создания, размышлениям поэта над вопросами христианского мирозерцания посвящена статья, предваряющая текст переводов Жуковского из Псалтири и Евангелия. Сам текст – ценный и редкий материал, результат источниковедческой и текстологической работы Ю.М. Прозорова. С точки зрения отечественной академической текстологической традиции работа выполнена безупречно.

Закрывая последнюю страницу книги Ю.М. Прозорова «В.А. Жуковский в историко-литературном освещении. Эстетика. Поэтика. Традиции», уместно еще раз вспомнить строки поэта из «Лаллы Рук»:

И во всем, что здесь прекрасно,
Что наш мир животворит,
Убедительно и ясно
Он с душою говорит...

Литература

1. Прозоров Ю.М. В.А. Жуковский в историко-литературном освещении. Эстетика. Поэтика. Традиции. СПб. : Полиграф, 2017. 406 с.

2. Прозоров Ю.М. В.А. Жуковский в историко-литературном освещении. Эстетика. Поэтика. Традиции : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2018. 46 с.

“Revelations Beneficial to Heart...” on the Book by Yuri Prozorov (2017) V.A. Zhukovskiy v Istoriko-Literaturnom Osveshchenii. Estetika. Poetika. Traditsii [V.A. Zhukovsky in a Historical and Literary Interpretation. Aesthetics. Poetics. Traditions]. St. Petersburg: Poligraf.

Text. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 19, pp. 126–137

DOI: 10.17223/23062061/19/9

Marina I. Shcherbakova, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: m-shcherbakova@mail.ru

Keywords: V.A. Zhukovsky, Yu.M. Prozorov, Russian literature, N.A. Nekrasov, B.K. Zaitsev, traditions, aesthetics, poetics.

The last book of an outstanding Petersburg literary critic Yu.M. Prozorov on the poetic and critical legacy of Vasily Zhukovsky is regarded as a theoretically significant study, which has a deep scientific potential, traces the historical fates of the traditions of the poet in Russian literature, in the works of not only his younger contemporaries, but also the poets of the second half of the 19th century, as well as artists of the 20th century. An integrated approach to the study of the creative legacy of Zhukovsky proposed by the author is relevant. The direct and immediate relationship that the poet had to the modifications that occurred in Russian literature under the influence of European literature of the 18th and 19th centuries was rightly emphasized. The breadth of the material is combined in the monograph with its in-depth study, account and careful analysis of materials and documents not previously introduced into scientific discourse, which substantially corrects the existing ideas about the features and evolution of Zhukovsky's creative talent. Prozorov built the parabola of the historical development of literature, the general outline of which, for all its schematics, gives an accurate picture of the specific individual phenomena of the process. The book has three dominant objects of study of Zhukovsky's creative legacy: aesthetics, poetics, traditions (which is emphasized in the title itself), the categories of Zhukovsky's poetic thinking are thoroughly observed. The scale of the analysis allowed Prozorov to harmoniously and convincingly solve the issue of the development of Zhukovsky's traditions not only by his younger contemporaries, but also by the poets of the second half of the 19th century, as well as by artists of the 20th century. The thoughts about the presence of Zhukovsky in the poetic horizon of N.A. Nekrasov are convincing. Nekrasov's works are considered both independently in the context of the entire history of Russian literature, and as a transition to a conversation about Russian realism in general, as a continuation of the literary discoveries of Zhukovsky. The arsenal of evidence is in a parallel analysis of

the themes, motives, images of the poetry of Zhukovsky and of Nekrasov. The author outlines new ways of thinking about the categories of “melancholia” and “the terrible” that are key to the poetic thinking of Zhukovsky. It is convincingly shown that the historical fates of Zhukovsky’s traditions can be traced in the works of B.K. Zaitsev. Of particular appreciation is the Appendix to the thesis on Zhukovsky’s translation of fragments of Holy Scripture. The poet’s philosophical and journalistic articles on religious themes, written in the second half of the 1840s, very rarely came to the attention of researchers. The published texts are the result of Prozorov’s source study and textual work. From the point of view of Russian academic textual tradition, the work was done flawlessly.

References

1. Prozorov, Yu.M. (2017) *V.A. Zhukovskiy v istoriko-literaturnom osveshchenii. Estetika. Poetika. Traditsii* [V.A. Zhukovsky in the historical and literary interpretation. Aesthetics. Poetics. Tradition]. St. Petersburg: Poligraf.
2. Prozorov, Yu.M. (2018) *V.A. Zhukovskiy v istoriko-literaturnom osveshchenii. Estetika. Poetika. Traditsii* [V.A. Zhukovsky in the historical and literary interpretation. Aesthetics. Poetics. Tradition]. Abstract of Philology Dr. Diss. St. Petersburg.